

Глава 3.3

— А как там Чону?

— Зови его Сон Чону. Почему ты называешь его фамильярнее, чем я?

— Ты сейчас правда будешь придирааться к этому... Ладно, неважно. Так что с Сон Чону?

— Да его, наверное, призраки сжирают. Но важнее другое — как ты сам? Много вялости? Температуры нет? Спал хорошо? Живот не болит? Голова не кружится?

Иногда Сэбёк думал, что Кон Пёнхва ведёт себя как мамочка — даже похлеще его собственной, — и изо всех сил сдерживал прорывающийся смех.

— Я в порядке.

— А вестибулярный аппарат в порядке? Ты ведь катался только на всём самом быстром.

— А ты катался только на всём хорошеньком.

—...Ну да. Я же у нас довольно миленький.

Ему очень не хотелось признаваться, что сегодня он весь день был на побегушках у Сон Чону, так что он просто списал это на свою природную милоту.

— Кажется, ребята скоро начнут меня искать. Я ведь сказал им, что отошёл в туалет.

Они только встретились — и уже расходятся через минуту? Это всё потому, что у них нет моста через Млечный Путь, как у Ткачихи и Пастуха? Да, мой дорогой Шин?

Кон Пёнхва ужасно хотелось по-жалкому повиснуть на нём и умолять не уходить, но он знал, что не может. Сэбёк и сам прекрасно понимал, что отними у Кон Пёнхва романтику — и останется ходячий труп, и ему, честно говоря, тоже совсем не хотелось расставаться. Ведь с тех пор как они решили встречаться, все их свидания ограничивались только библиотекой, как и до начала отношений.

И вот они наконец-то выбрались в парк аттракционов, у него есть парень, но он не может гулять с ним вместе? Они же учатся в одной школе, в одном классе!

— Чёрт...

В конце концов Кон Пёнхва тихо выругался. Его голос звучал надутно. Губы обиженно выпятились, и выглядел он так, будто его и впрямь несправедливо обделили, что даже вызывало жалость. Сэбёк и сам не заметил, как проникся этим чувством.

—...Когда мы наконец перестанем скрываться, обязательно вернёмся сюда. Поедим вместе, покатаемся на аттракционах.

— Хорошо.

— Сделаем парные фотки, купим дурацкие игрушки.

— Давай так и сделаем.

— А ещё...

Казалось, за эти полдня Кон Пёнхва накопил столько зависти, что мог говорить без умолку. И каждый раз Сэбёк внимательно слушал и искренне отвечал: давай так, давай обязательно всё сделаем.

— Вот только дождаться, когда я вступлю в наследство. Серьёзно..

Парень, который умудряется смешить тебя до самой последней секунды перед расставанием, — это большая редкость. Улыбаясь, Сэбёк совершенно естественно распрощался с Кон Пёнхва.

А Кон Пёнхва, расставшись с Сэбёком, с запозданием осознал:

«А, чёрт... Мы же должны были встретиться, чтобы провести феромонный душ».

Они просто взяли и разошлись.

— Да ё-моё.

Встреча после двадцати трёх часов разлуки оказалась такой трогательной, что он напрочь забыл о главной цели. Видимо, когда любовь застилает глаза, можно потерять из виду даже суть.

Кон Пёнхва сел на скамейку и, нервно трясая ногой, лихорадочно соображал, как бы снова встретиться с Сэбёком. Говорили, что для эффекта запечатления нужен регулярный обмен феромонами хотя бы раз в день. А они ещё не провели сегодняшней обмен. И только сейчас он подумал, что, кажется, от Сэбёка и правда слегка выпускались феромоны.

Что, если альфы из другого класса это заметят? Что, если эти беспардонные ублюдки попробуют схватить Сэбёка за запястье? Попытаются утащить его в укромное место? Или им станет скучно, и они решат «давай просто разочек поцелуемся»? А если они попытаются сделать что-то насильно?!

— Пока я жив, ни за что!

— Что значит «ни за что»? Да всё можно!

Чудом спасшийся от призраков Сон Чону взял Кон Пёнхва в летучий захват.

— Ты бросил меня в логово призраков и просто сидишь отдыхаешь?! А ну говори что-нибудь! Говори!

— Спасите!

— Я не это хочу услышать, сволочь!

Постучав в знак сдачи, Кон Пёнхва выжил, но вместо того, чтобы остаться рядом с Сэбёком, его снова утащили в карусельный ад. Солнце уже потихоньку клонилось к закату, и с каждой минутой он всё больше нервничал и тряс ногой.

— Ай! Удача уходит. Хватит трясти. Ты что, ссышь? Карусели испугался?

— Это для циркуляции крови. Циркуляция крови, придурок.

Кон Пёнхва, мужчина, сошедший с ума от любви, продолжал трясти ногой, даже сидя на карусели.

В конце концов, только к шести часам вечера, когда настало время общего сбора, Кон Пёнхва смог хотя бы наступить на тень Сэбёка.

Он откровенно распылял феромоны. Плечи Сэбёка вздрогнули, а альфы из соседнего класса стали в ответ испускать предупредительные феромоны, спрашивая, в чём дело.

— Ишь, какие невоспитанные скоты. Распылять феромоны в общественном месте.

Кон Пёнхва, который сам только что вёл себя беспардоннее всех, враждебно уставился на альфа из соседнего класса и зарычал.

Учителя дали каждому по подзатыльнику и уладили ситуацию, а затем, глядя на медленно

садящееся солнце, почти все стали расходиться.

Ребята, которым надо было на курсы, с сожалением поехали на метро, а те, кто намеревался оторваться по полной, переодевались из школьной формы, чтобы веселиться до глубокой ночи.

Кон Пёнхва схватил Сэбёка, который уже собирался домой.

— Дневная порция! Мы её не сделали!

Сэбёк, застигнутый врасплох внезапным нападением странного злоумышленника, подпрыгнул, но тут же увидел симпатичное лицо под капюшоном и схватился за сердце.

— Ты меня напугал.

— Извини! Но я же волнуюсь! Ты ведь тогда испугался, да? Из-за меня... Извини, что вдруг распустил феромоны. Я тоже не мог их контролировать. Ты очень испугался? С твоим телом всё в порядке?

Кон Пёнхва вцепился в Сэбёка и заметался в поисках уединённого и спокойного места. Куда бы они ни шли — всюду было минное поле. Налево — полно парней в штатском, направо — учителя, а в туалетах слишком много людей.

— Да почему везде столько людей!

Ну, потому что это парк аттракционов. Сэбёк про себя сухо прокомментировал это и просто дал Кон Пёнхва тащить себя куда угодно.

— Похоже, ничего не выйдет. Давай по дороге домой заскочим в библиотеку, там ненадолго на крышу, и всё. Здесь слишком много людей, ничего не получится.

— У меня сегодня репетитор, так что в библиотеку я не иду. За мной приедет водитель.

— Тогда ч-что делать? Может, примешь лекарство? Оно у тебя есть? Нет? Мне купить? Но как же побочки? А твой организм? Ты в порядке?

Глядя на мечущегося в тревоге Кон Пёнхва, Сэбёк, наоборот, успокоился.

— Я немного испугался раньше, но сейчас всё хорошо. Лекарство у меня с собой, не волнуйся. Да и, кажется, без лекарства обойдётся. Я в норме, так что успокойся.

Сэбёк мягко, размеренно заговорил и начал испускать феромоны, чтобы унять возбуждённого

Кон Пёнхва.

— Эй, не распускай феромоны. А вдруг... кто-нибудь узнает, что ты омега?

Все в парке были так увлечены весельем, что на них, наверное, никто и внимания не обращал, но Кон Пёнхва так нервничал, что перешёл на шёпот и настороженно озирался.

— А вдруг тебе снова станет плохо...

Но, между прочим, эта тревога была ему приятна. Где-то в уголке сердца у Сэбёка приятно потеплело.

— Этого не случится. Пёнхва, знаешь, благодаря тебе в последнее время я чувствую себя очень стабильно и хорошо.

— Правда?

— Ну я же говорю.

Кон Пёнхва несколько раз пристально оглядел Сэбёка с ног до головы. Будто этого было мало, он обошёл его кругом, тщательно осмотрел даже спину и, лишь убедившись, что с феромонами всё в порядке, наконец разгладил складку между бровями.

— Тогда давай побудем вместе, пока за тобой не приедет водитель. Здесь слишком много всяких бескультурных альф.

— Ладно.

— Подожди минутку.

Словно одолжив у кого-то из аниматоров ростовую куклу, Кон Пёнхва вернулся к Сэбёку в маске енота.

— Эм-м.. Это не слишком заметно?

— Зато никто не узнает, кто я.

—...Ну хорошо, пусть так.

Если уж это помогает тебе успокоиться, то ладно.

Сэбёк, как и подобало спутнику потустороннего романтика, обладал огромным терпением и взял за руку своего парня, превратившегося в енота.

— Ох... Мы ведь двое парней, а так откровенно держимся за руки на людях. — Кон Пёнхва закатил сцену.

— Ладно, я отпущу.

— Я не говорил «отпусти». — Кон Пёнхва крепко сжал руку Сэбёка и двинулся по парку.

— Ты, похоже, сегодня отлично повеселился. Хорошо переносишь страшные аттракционы?

— Ага. Вестибулярный аппарат у меня просто железный.

— Ха... У меня-то он тоже железный, но реальность заставила кататься на карусели.

Сэбёку всегда было интересно, почему Пёнхва, который приходил в восторг от всего, что быстро вращается, резко падает и трясётся, весь день просидел на безопасных чашках и каруселях, и он спросил о причине.

Услышав историю о том, как тот по своей самоуверенности опоздал и вынужден был стать псом Сон Чону, Сэбёк, хоть ему и было жаль, еле сдерживал душивший его смех.

— У нас ещё около пятнадцати минут. Может, прокатимся хоть на чём-нибудь одном перед уходом?

— Нет. Мне же придётся снимать маску енота.

Похоже, он уже успел привязаться к этой маске — Кон Пёнхва решительно запротестовал.

— Но раз уж мы здесь оказались, я бы хотел хотя бы разок прокатиться вместе.

— ...

Кон Пёнхва весь день мечтал о свидании с Шин Сэбёком в этом парке, так что он не мог не понимать этих чувств.

Они пришли к компромиссу и решили сесть на колесо обозрения.

Пока они стояли в очереди, Кон Пёнхва пришлось терпеть, как маленькие дети показывали на

него пальцами и кричали: «Енот встал в очередь!», «Гляди, это енот!».

«Вот именно, я же говорил — зачем ты это надел».

Когда подошла их очередь и они с помощью любезного работника забрались в кабинку, их сразу качнуло. Они сели друг напротив друга и стали смотреть в окно.

Колесо обозрения медленно заскользило вверх. За это время солнце окончательно село, и сейчас готовился расцвести довольно сносный ночной вид. Было видно, как на аттракционах один за другим загораются огни.

Только тогда Кон Пёнхва снял маску енота и улыбнулся. Сэбёк тоже улыбнулся в ответ. Ничего особенного не происходило, но смех рождался сам собой.

Пейзаж снаружи был прекрасен, человек рядом был дорог, а время, когда они были только вдвоём, заставляло сердце трепетать.

— ...

— ...

Не сговариваясь, они пристально смотрели друг другу в глаза и улыбались. Эту прекрасную тишину нарушил Кон Пёнхва.

— Ты сегодня очень милый.

— Ты чего...

Что на него вдруг нашло...

Сэбёк неловко отвёл взгляд.

Наверное, внутри костюма было жарко, потому что его чёлка уже намокла и слиплась, что выглядело необыкновенно свежо и в то же время почему-то вызывающе. Теперь, когда он невольно задумался о внешности, ему показалось, что внутри поднимается какое-то дразнящее чувство.

Кон Пёнхва, куда более сентиментальный и падкий на визуальные раздражители, судорожно сглотнул.

—..Эй.

—..А? Что?..

Кон Пёнхва ещё сильнее окаменел своим и без того жёстким лицом. А потом с этого лица сорвались невероятные слова.

— Ты что, не хочешь поцеловаться?

Благодаря крайней степени напряжения Кон Пёнхва Сэбёк, наоборот, расслабился и усмехнулся, как будто это было нелепо. С тихим выдохом на щеке появилась ямочка, а ресницы мягко опустились вниз. Сердце Кон Пёнхва гулко застучало.

— Что, не хочешь? А мне кажется, сейчас самый подходящий момент. Идеальный кадр для поцелуя. Ох... Ну я же хочу поцеловаться, понимаешь? Я тут пассивно намекаю. М-м. Я хочу поцеловаться с Шин Сэбёком в кабинке колеса обозрения.

Можно ли это вообще назвать пассивным намёком? — подумал Сэбёк и осторожно пересел со своего места поближе к Кон Пёнхва.

— Ах, феромоны.

— Прости. Я просто чертовски нервничаю.

Чем мучиться, не проще ли просто обменяться феромонами прямо здесь?

Кон Пёнхва предложил рациональный метод. Им ведь нужно провести обмен феромонами, и они как раз оказались в подходящем месте. Следовательно, нужно провести обмен. Вполне резонно и рационально.

Сэбёк тоже кивнул.

Кон Пёнхва обнял его за плечи, и Сэбёк медленно выпускал свои феромоны, впитывая феромоны Кон Пёнхва.

Почему-то сегодня они особенно щекотали его. Это чувство с приливом жара, совсем как при первом феромонном душе, заставило Сэбёка обмахиваться рукой.

— Тебе жарко?

— Ага, немного...

— Мне тоже жарко.

И как давно он на меня так смотрит?

Сердце Сэбёка гулко застучало. Температура тела Кон Пёнхва была обжигающей. Они часто держались за руки, обнимались, но дальше лёгких поцелуев дело ещё не заходило.

В самый разгар момента обязательно кто-то появлялся или слонялся поблизости. Так всегда бывает, когда приходится прятаться. Но только сейчас, в это мгновение, в целом мире существовали лишь они двое.

Кон Пёнхва приблизился и резко сократил расстояние. Его ресницы оказались длиннее, чем думал Сэбёк. Вблизи брови выглядели ещё темнее. А губы оказались горячими. Сердце бешено колотилось, но время будто остановилось.

—

Кон Пёнхва сидел, привалившись боком к Сэбёку.

— Если мне не изменяет память, именно здесь ты первым начал меня соблазнять, как будто напрашиваясь на поцелуй.

— У тебя искажённая память.

— Да нет, всё так и было! Я вообще-то считаю, что проявлять нежности на людях аморально, и пытался сдерживаться, а ты, Шин Сэбёк, вдруг взял и первый меня...

— Ничего подобного!

Поправляя эту несусветную чушь мужа, Сэбёк всё равно с улыбкой закрыл глаза.

Вскоре со звуком глубокого вдоха к его губам прикоснулось тепло. Тёплая, мягкая плоть тёрлась и смешивалась с его плотью, и грудь до краёв наполнилась теплом. Точно таким же теплом, как десять лет назад.

—...Каковы ваши впечатления от поцелуя с тем же человеком на том же месте первого поцелуя? — Интервьюер спросил ещё более низким голосом.

— Сердце всё так же бьётся, как тогда.

— Кажется, пробка. Что, все люди сегодня выбрали гулять?

Ворча, Кон Пёнхва крутил руль. Глядя на плотно забитую дорогу, он понял, что домой они доберутся намного позже расчётного времени, и позвонил дворецкому Хвану.

Сказав, что они, скорее всего, сильно опоздают, он услышал от дворецкого Хвана: «Я так и знал, не волнуйтесь, будьте осторожнее за рулём». К счастью, Исылъ уже крепко спала, и успокоенные супруги уже с куда большим облегчением переносили дорожные муки.

— А каковы ваши впечатления от исполнения желания десятилетней давности?

На этот раз интервьюером стал Сэбёк. Кон Пёнхва с выражением лица, готового вот-вот заплакать, прижал одну руку к груди.

— Честно говоря, я не знаю, что и сказать. Меня переполняет такое непередаваемое словами чувство... Я почти думаю, что, может быть, я родился на свет ради этого дня. Я так счастлив, что слёзы наворачиваются...

Он что, заранее заготовил речь?! На этот раз уже Сэбёк опешил от этого непоколебимо гладкого, льющегося без запинки ответа.

— Ты что, подготовился?

— Я всегда ношу это в своём сердце. — Кон Пёнхва убрал ладонь с груди и взял Сэбёка за руку.
— Это всё чистосердечно. Сегодня мне правда было невероятно хорошо. Я наконец-то сбросил обиду, которая копилась с тех пор, так что теперь я могу достичь просветления.

— Ты о чём?

— Ах да. Если я умру, чтобы ты непременно последовал за мной. Не смей даже думать о том, чтобы жить после меня.

— А как же наша Исылъ?

— Ах, и правда.

Они дали друг другу будничную клятву ни в коем случае не умирать.

Сэбёк прижался спиной к автомобильному креслу и разглядывал бесконечную вереницу машин. Может быть, потому что они много говорили о том, что было десять лет назад, а может быть, из-за того, что туристические автобусы в пробке выстроились друг за другом, ему на ум пришли те воспоминания.

— Я кое-что вспомнил.

А именно — тот самый момент на втором году школы, во время школьной поездки.

Когда каждый класс сел в свой автобус и мчался по скоростному шоссе.

—

— Эй, а как мы будем ходить на свидания во время школьной поездки?

— Так я же не еду в школьную поездку...

Стоило ему заговорить о поездке, как лица родителей сразу помрачнели, и они заговорили вокруг да около: мол, не стоит ли ему больше сосредоточиться на учёбе.

Сэбёк, который прекрасно понимал скрытый смысл, безропотно кивнул. В конце концов, если он, омега, на три дня и две ночи смешается с толпой незнакомых альф, его могут раскрыть... Да и вообще, вероятность того, что случится что-то плохое, была куда выше, чем что-то хорошее.

Тогда он без лишних слов согласился, но теперь, разговаривая с Кон Пёнхва, он понял, что ему всё равно хотелось поехать. Хотелось провести три дня и две ночи с Кон Пёнхва где-то за пределами школы.

Пусть он не мог сесть рядом с ним, но хотя бы ехать в одном автобусе по трассе, вместе выходить на остановках, вместе есть, вместе глазеть на памятники культуры — вот такую простую повседневность. Ему хотелось заполучить эти воспоминания, которые можно разделить только здесь и сейчас.

— А?! Ты не едешь?

Кон Пёнхва тоже выглядел расстроенным.

«Я во что бы то ни стало уговорю их и поеду. Чего бы мне это ни стоило. Поедем вместе!»

Сэбёк решил во что бы то ни стало убедить родителей и поехать в поездку.

«Не ехать в школьную поездку? То есть мы на законных основаниях будем только вдвоём ходить на дополнительные занятия, только вдвоём есть и миловаться — и никто не узнает? Ни за что не поеду».

Кон Пёнхва, мечтая о личном рае для двоих, напряг мозги, которые он редко использовал, чтобы придумать, как же ему, любителю тусовок, правдоподобно не поехать в поездку.

Видимо, даже любящие сердца не всегда бьются в унисон. Пусть они и были вместе, но спали и видели разные сны.

Так и получилось, что накануне поездки Кон Пёнхва заявился с гипсом на левой руке.

— Что с твоей рукой? Ты не говорил, что поранился! Ты знаешь, как я испугался сегодня утром?!

— Да ладно тебе, так уж вышло. Ха, посмотри, в каком я виде. Ничего не поделаешь, придётся мне вместо поездки идти на дополнительные занятия, да? Три дня и две ночи нашего с тобой счастья..

— Я еду в поездку.

Кон Пёнхва в ступоре окаменел, а Сэбёк даже не заметил его оцепенения, потому что слишком сильно переволновался.

И как только этот парень, который был словно ходячий труп, если не считать его крепости и здоровья, умудрился дойти до гипса? И почему он ничего мне не сказал? Я что, не заслуживаю доверия?

В то утро Сэбёк как обычно пришёл в школу и про себя посмеивался, глядя, как Кон Пёнхва в окружении одноклассников дурачится. Но смех быстро утих. Увидев белый гипс на руке Пёнхвы, он почувствовал, как сердце буквально оборвалось.

— Тебе больно? Наверное, ужасно больно. Поэтому ты и в гипсе...

— Э-э... Больно-то больно.. Как-то на душе.

«И ради чего я вообще занимался этим членовредительством и шантажом?»

На него накатила сильнейшая волна самоосознания, но ему было некогда её рефлексировать. Словно у него под ногами горела земля, Кон Пёнхва помчался в учительскую и заново подал согласие на участие в поездке.

— Ты же только что говорил, что тебе так больно, будто умираешь, и ты не можешь ехать?

— Учитель, от боли в руке не умирают.

Ошарашенный тем, как тот за какие-то семь минут перевернул своё решение с ног на голову, словно блин на сковородке, учитель с недоверием спросил:

— Ты в таком виде-то сможешь поехать?

— А, ну конечно. Кто поедет, если не я? Не веселитесь там без меня.

— Мне позвонить твоим родителям?

— Можете даже по видеосвязи.

Вышло несколько сумбурно, но так или иначе, Кон Пёнхва и Шин Сэбёк поехали в школьную поездку вместе.

<http://bllate.org/book/17004/1618502>